

ЛЮБОВНЫЕ романы нам нужны, как воздух. Ситуация в обществе напряженная: не дай Бог, займется народ групповой любовью к Родине и вместо кровати на баррикады полезет. Лучше напоминать ему о долге супружеском, чем о гражданском. Поэтому авторы русских лавбургеров сознают свою высокую миссию по несению света в народ.

ОДНОЙ ЗАХОТЕЛОСЬ ТЕПЛА...

ПЕВИЦА Ирина Аллегрова выпускает уже третью книгу. Последнее ее произведение, изданное в серии с патристичным названием "Иван да Марья" ("Эрго-пресс), называется "Райский остров".

Героиня - эстрадная звезда Надежда - попадает в авиакатастрофу, при этом в целостности и сохранности приземляется на необитаемый остров, где оказывается не только цела и невредима, но вдобавок и с прекрасным моряком Виктором. После непродолжительной, исполненной трудностей (вроде варки черепашьего супа) жизни на необитаемом острове герои понимают, что любят друг друга, и на странице 162 начинают эту любовь реализовывать. Вследствие чего по возвращении в родной Петербург певица Надежда бросает жестокого мужа-продюсера, а моряк Виктор - молодую жену Валентину. Хелпи-энд на восьмом месяце беременности в финале.

Перед нами - исконные отечественные мотивы, где накал чувств так высок, что заглушает даже интим: за весь "райский остров" Это случается с героями один раз, притом исключительно тогда, когда чувство героев, согретое субтропическим солнцем, выросло и созрело: "Виктор теперь не мог встать в полный рост, потому что... плоть выдавала его желание вполне недвусмысленно и неприлично... "Плечи широкие, зад узкий. Это в моем вкусе, - сказала Надя. - Прыгай ко мне!"... Он неразумным теленком пошел на ее зов..."

Такую любовь могут читать даже дети после восьмидесяти. Тихие штампы превращают чтение в первоклассное успокоительное: Надежда необыкновенно красива (блестящие каштановые волосы, холодные серые глаза, шейпинг с утра до ночи), плюс богата (разумеется, "Мерседес"), плюс известна. Виктор,

естественно, силен и надежен... И можно было бы благодарно отнести роман Аллегровой к разряду классической транспортной литературы стоимостью в пять проездов на метро, но... Не тут-то было!

На обложку, рядом с завлекательной фотографией И. А. в приближенном виде, вынесен следующий афоризм: "Все-таки лучше русских баб нет никого. Русская баба - это русская баба. Все остальные так, ничего особенного"...

Глубокомысленная сентенция мгновенно переводит книжку в серьезную тональность. Чита-

ратурного сюжета. Который прост: Женщина живет с Писателем. А еще она живет с Критиком. Писатель старше на пятнадцать лет, Критик младше на восемь лет. С кем жить? Вот в чем вопрос, которым на ста десяти страницах мучается героиня.

Подзаголовок в произведении - "повесть-беспредел". Жанр этот унаследован Медведевой от мужа Лимонова, талантливого изобретателя пути к успеху через превращение себя в литературный персонаж. Однако лимоновский беспредел - это беспредел псевдооткровенности. Медведева следует идее буквально, ученически, забыв, что одно дело - обильное извержение на книжное полотно лимоновского "эго", скрашенное не-

общения. Поэтому они решили, что могут писать о любви, либо писать о ней проще простого: для детектива хоть интрига нужна, а здесь - ничего, кроме опыта, которого им не занимать...

Хотя нет, только опыта достаточно на Западе. У нас без высокой морали обойтись нельзя. Наша героиня не может тихо лечь и добросовестно исполнить на пяти страницах то, ради чего куплена книжка, - потому что в случае, когда человеку хочется почитать о любви всерьез, он купит книгу другого рода.

Увы! Создатели русских лавбургеров свои произведения воспринимают всерьез. В результате легкий любовный роман строится по формуле: пять пудов чеховской любви на пять капель

коммунистической идейности. Нельзя на западный манер просто описать взаимодействие разных частей тела друг с другом - под эту надстройку должна быть подведена крепкая духовная основа! Потому в то время, как западные авторы путем всепоглощающей страсти пытаются отвлечь читателя от жестокой действительности, русский любовный роман наставляет и поучает, выдавая в результате сто один безапелляционный "ответ про это" на вопросы, перед которыми последние сто веков почтительно умолкало прогрессивное человечество...

ЕСЛИ ЗАХОТЕЛОСЬ И ВАМ...

КАЖДЫЙ может начать писать любовные романы!

Вот как это делается. Берется телесериал, одна серия. Содержание примерно следующее: "Марилуиса, рыдая: "Ах, Хулио, почему ты больше не..." Хулио, заламывая руки: " Марилуиса, нам давно надо было признаться друг другу, что..." Марилуиса в ужасе, схватив нож: "О боже, я еще в двадцатой серии заподозрила, как жестоко ты..." Хулио, падая в обморок: "О, если б все эти годы я знал, что ты моя дочь!"

Указанный сценарий пересыпается возбуждающими прилагательными и разбавляется сохранившимися от последнего отпуска дневниковыми записями. Все. Роман готов:

"Стоял прекрасный летний день. Марилуиса, одетая в прозрачный пеньюар, отдыхала на веранде в шезлонге. Солнце слепило глаза. Шум прибоя навевал дремоту. "А вот и я!" - услышала она голос. Перед ней стоял волнуяще знакомый загорелый Хулио. Обтягивающие плавки едва скрывали бушующую в такт океанским волнам плоть.

Не в силах сдержать свою страсть, Марилуиса увидела к бедру любимого. Хулио увидел, как беззащитные прожилки вен пульсируют под тонкой белой кожей ее шеи. Соскользнув с хрупкого плеча, пеньюар обнажил беззащитно розовый сосок...

"Как ты выросла, дочка!" - нежно подумал Хулио, отвечая на страстный призыв ее губ..."

Если продолжить в том же духе, ваша книга наверняка станет бестселлером.

Мария ВАРДЕНГА

А если это любовь?!

А у них была и страсть... 1997, апр. (N18) - 12

тель поневоле начинает искать откровений на тему горестной судьбы русской женщины. И получает - торопливое изложение сюжета, похожее на ленивый пересказ фильма: "До знакомства с Надей Валя была уверена, что Виктор не более чем очередная прихоть "звезды", что она играет с ним. В их отношениях не может быть глубины. Валя полагала, что легко сможет положить этому конец, припугнув Надежду скандалом. После же передачи Валя увидела перед собой не эстрадную куклу, а готовую отстаивать свои чувства женщину".

ДРУГОЙ - ОБЩЕНИЯ...

ДРУГАЯ певица - Наталья Медведева - выпустила сочинение под названием "А у них была страсть..." (издательство "Вагриус"). В книге три героя: Женщина, Критик, Писатель. Замена имен на видовые определения призвана вести биографические подробности жизни Медведевой до состояния лите-

ординарностью личности, и совсем другое - когда на странице сиротливо, как на раскладушке, располагается Женщина - Медведева, компенсирующая литературным творчеством нехватку личного общения. В чем сама охотно признается: "Ей просто хотелось общаться - говорить, рассказывать и чтобы ее заинтересованно слушали. И этот мальчик, Критик, он очень подходил для этого. Потому что он был умный, и в то же время, как бы никто еще, во всяком случае здесь, в Париже. И его можно было удивить. А с Писателем невозможно было говорить, и удивлять его было нечем... Ему было не очень интересно и даже стыдно, как он сказал о последней рукописи, предложенной ему для прочтения".

Схожесть в наших с Лимоновым оценках творчества Медведевой обнадеживает. Впрочем, для Лимонова обнадеживающая нота состоит еще и в том, что, в результате творческо-сексуальных поисков себя, Женщина выбирает между Писателем и Критиком Писателя. Что дает основания надеяться: когда Наталья Медведева в следующий раз "просто захочет общения", ей будет с кем пообщаться, кроме большой литературы...

ЧЕХОВ ПЛЮС ЛЕНИН РАВНО...

ИРИНЕ Аллегровой просто захотелось тепла. А Наталии Медведевой -

Медведева Наталья

04.54 N18